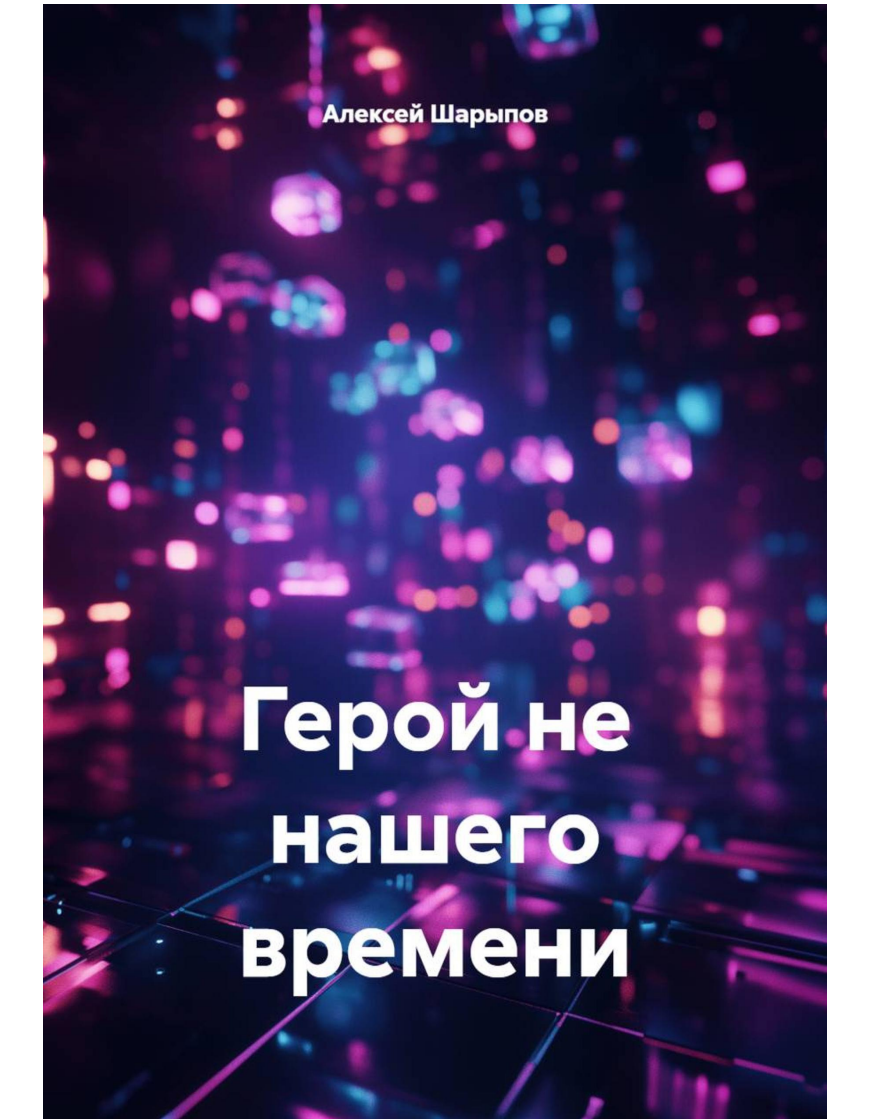




Алексей Шарыпов

Герой не нашего времени

Алексей Шарыпов

Герой не нашего времени

<https://litres.ru/74609579>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Герой не нашего времени» — фанфик по «Капитанской дочке» с неожиданным поворотом

Что делать, если вы — филолог, работающий копирайтером, и ваша жизнь превратилась в бесконечный дедлайны? Сергей мечтал писать настоящие книги, но реальность подкинула ему сюжет покруче: однажды вечером он шагнул в заброшенный парк, а вышел в заснеженную степь XVIII века, прямо в объятия бурана и в компанию Петра Гринёва.

Теперь он — «вольный человек» в Белогорской крепости, где всё идёт не по книге. Маша Миронова оказывается куда глубже, чем «капитанская дочка» из школьной программы, а Швабрин — не просто злодей, а харизматичный, умный и опасно обаятельный человек. Сергей втянут в любовный треугольник, где дружба с Гринёвым, ревность, дуэль и попытки изменить канон сплетаются в тугой узел.

Но главный вопрос: можно ли переписать классику, если ты — всего лишь случайный гость из будущего? И какую цену придётся заплатить за право любить ту, что по всем законам литературы должна принадлежать другому?

Содержание

1	4
2	13
3	19
4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алексей Шарыпов

Герой не нашего времени

1

Сергей вышел из офиса в половине седьмого, когда зимний вечер уже плотно накрыл город. День прошёл, как проходили все его дни в рекламном агентстве «Медиа-Вектор»: бесконечные правки, согласования, летучки, планёрки и снова правки. Клиент, заказавший серию постов для соцсетей сети шиномонтажей, в пятый раз менял концепцию, и к вечеру голова Сергея гудела так, будто в ней поселился пчелиный рой.

Он работал копирайтером — придумывал тексты, слоганы, продающие заголовки. Когда-то, пять лет назад, окончив филологический факультет с красным дипломом, он мечтал писать прозу. Настоящую, живую, о людях и смыслах. Преподаватели хвалили его стиль, сокурсники пророчили литературное будущее. Но реальность, как водится, внесла коррективы: проза не кормила, а жизнь требовала ежемесячных платежей. Так Сергей оказался в рекламе.

Сначала он убеждал себя, что это временно. Потом — что копирайтинг тоже своего рода литература, только прикладная. Теперь, в двадцать пять лет, он уже не обманывался.

Работа была нудной, выматывающей и, по большому счёту, бессмысленной. Он продавал людям то, что им не нужно, словами, в которые сам не верил. И с каждым днём внутри росла пустота — глухая, тягучая, как зимние сумерки.

Сергей шёл пешком, предпочитая пройти несколько кварталов, чем трястись в переполненной маршрутке. Свежий холодный воздух после душного офиса казался почти упоительным. Он опьянял чистотой, выветривал из головы обрывки рабочих чатов и бесконечные «дедлайны». Сергей шагал не торопясь, наслаждаясь редкой тишиной, и думал о том, что сегодня вечером, может быть, наконец сядет за свой роман. Тот самый, который начал два года назад и забросил после третьей главы. «Завтра, — привычно сказал он себе. — Сегодня устал, а завтра обязательно».

Пройдя примерно полпути, он всё-таки замёрз и решил срезать дорогу через старый парк. Обычно Сергей обходил его стороной: там частенько собирались компании подозрительного вида, раздавался лай бродячих собак. Сейчас он нерешительно смотрел на тёмное пятно зарослей, огороженных ржавым металлическим забором. Парк давно забросили, он хаотично зарос кустарником, и городские службы будто не замечали этот островок дикости посреди микрорайона. Уже порядком стемнело, из глубины доносились глухие крики, матерная брань, где-то истошно заливалась собака. Не самое уютное место.

Сергей хотел было повернуть обратно, но представил, что

обходить парк вокруг — лишних полчаса на морозе, а дома ждал в холодильнике вчерашний ужин, в компьютере — пустой вордовский документ ... и одиночество. Он решительно шагнул в темноту.

Он старался идти быстро и как можно тише, но скрип снега под ногами выдавал каждый шаг. Узкая дорожка была завалена рыхлым снегом, под которым угадывались кучи мокрых листьев. Сергей уже миновал середину парка и начал потихоньку радоваться, когда вдруг сбоку раздался сиплый голос:

— Эй, паря, стой-ка!

Сергей сделал вид, что не слышит, и ускорил шаг. Впереди развилка. На долю секунды он замешкался, выбирая путь.

— Да постой ты, не ходи туда! — голос звучал скорее просяще, чем угрожающе.

Сергей не собирался вступать в диалог с неизвестным гражданином. Он шагнул на правую тропинку. Сзади слышались быстрые шаги — алкаш тоже прибавил ходу.

— Стой, кому говорят, не ходи туда! — заорал мужик, смачно выругавшись и звучно харкнув.

Холодный ветер с ледяной крупой ударил прямо в лицо. Сергей почти побежал по аллее. Стало резко холоднее, словно температура упала на десяток градусов. Голос преследователя стих где-то позади. Сергей быстро оглянулся — ничего, кроме черноты. Впереди тоже не было видно ни зги, даже огни многоэтажек растворились в снежной мгле.

Он достал мобильник, чтобы включить фонарик, но телефон, убитый морозом, не подавал признаков жизни. «Вот чёрт!» — с тревогой подумал Сергей, с опаской вглядываясь вперёд.

Он двинулся дальше, выверяя каждый шаг, чтобы не провалиться в яму и не напороться на острые ветки. Ветер усиливался, но где-то далеко забрезжил просвет. «Наверное, конец парка, свет от домов», — решил Сергей и зашагал быстрее.

Холод сковал тело. Лицо горело, будто его тёрли наждачкой. Сергей мысленно обругал себя за то, что надел лёгкий пуховик вместо дублёнки. Ему казалось, он идёт уже целую вечность, а свет всё так же далеко, и темнота вокруг не рассеивается.

Внезапно заросли словно расступились. Сергей шагнул вперёд и оказался на большой заснеженной поляне. Она простиралась, насколько хватало глаз в сумеречном свете. Он замер, пытаясь понять, где находится. По всем подсчётам, парк давно должен был закончиться, а вокруг — городские кварталы. Но не было ни домов, ни фонарей.

Сергей обернулся. Аллея, из которой он вышел, исчезла. Позади была только белая пелена бурана и голые кусты, каких не могло быть в городе.

Холод становился невыносимым. Ветер свирепел, нёс хлопья сырого ледяного снега, залепляя глаза. Сергей упрямо пошёл вперёд, уже не чувствуя рук и ног. Вдруг он заметил

впереди силуэт человека. Сначала ему показалось, что это тот самый алкаш из парка.

— Эй! — крикнул Сергей, но из горла вырвался лишь хрип.

Он сделал ещё несколько шагов и рухнул в снег. Краем угасающего сознания он увидел, как мужчина обернулся и пошёл к нему.

Сергей очнулся от того, что кто-то яростно растирал ему лицо жёсткими, обветренными, но удивительно тёплыми руками. Он с трудом разлепил глаза.

— Живой, что ли, ваше благородие? — с усмешкой проговорил мужик.

Перед Сергеем склонился чернобородый, худощавый, но широкоплечий человек. Глаза его сверкали добродушными огоньками, хотя лицо оставалось суровым. Сергей почувствовал, что лежит на чём-то толстом и меховом. Тулуп.

— Живой... А что случилось? Где я? — прохрипел Сергей, пытаясь приподняться.

— Мне самому интересно, откуда вы, сударь, взялись посреди степи в буран, да в одежонке худой, — покачал головой бородач.

— Какой степи? Вы о чём?

Сергей сел и не поверил своим глазам. Вокруг, насколько хватало взгляда в серой мгле, расстилалась бескрайняя заснеженная равнина, изрезанная оврагами, кое-где бугри-

лись голые холмы. Над головой висело чёрное небо, затянутое низкими тучами. Хлесткий ветер гнал колючую снежную крупу.

— Переждать надо буран, а то с дороги собьёмся, — сказал бородач, зябко кутаясь в тонкую суконную куртку какого-то старомодного покроя.

Сергей медленно поднялся на ноги, озираясь. Он лихорадочно искал глазами дорогу назад — ту аллею, из которой вышел минутой назад. Но её не было. Только степь.

— Эй, барин, вы чего удумали? — насторожился мужик, видя его растерянное лицо.

— Где дорога? Я пришёл оттуда! — Сергей махнул рукой в пустоту. — Там был парк!

— Какой ещё парк? Окстись, ваше благородие. Там степь на сорок вёрст, ни жилья, ни деревца.

Сергей почувствовал, как к горлу подступает паника. Он сорвался с места и побежал туда, где, как ему казалось, только что был выход из парка. Тулуп соскользнул с плеч и упал в снег.

— Стой, дурак! — заорал бородач. — Пропадёшь! Буран только начался!

Но Сергей не слушал. Он бежал, проваливаясь по щиколотку, вытянув руки вперёд, словно надеясь нащупать спасительные деревья. Внезапно нога зацепилась за что-то твёрдое под снегом. Он со всего маху растянулся на земле и сильно ударился головой. В глазах потемнело.

Сознание возвращалось медленно, будто Сергей всплывал из глубокого колодца. Сверху доносились голоса, тепло окутывало лицо.

— Здесь, ваше благородие! — раздался знакомый голос бородача.

— Что, брат, прозяб? — спросил кто-то молодой, звонкий.

— Да как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да вот этот мой нечаянный попутчик, дурная голова, обронил в степи, снегом унесло. Еле донёс его, замерзал уже.

Сергей осторожно приоткрыл глаза. Он лежал на дощатом настиле у жарко натопленной печи. Рядом на полатах сидел бородач, хитро улыбаясь в усы и поглядывая на собеседника.

— Ваше благородие, сделайте милость, прикажите поднести стакан вина. Чай, не наше казацкое питьё, — с укоризной попросил он, спрыгивая с полатей.

Раздались шаги, кто-то передал бородачу стакан, и тот же голос, будто узнав его, произнёс:

— Эхей, да опять ты в наших краях! Откуда Бог весть?

Бородач на секунду замешкался, глаза его лукаво блеснули. Он подмигнул и покачал головой:

— В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?

Дальше они заговорили тише, почти шёпотом. Сергей, ничего не понимая, приподнялся на локте и обомлел.

Он находился в просторной бревенчатой избе. Посередине — большая печь, вдоль стен — двухъярусные нары. Сбоку что-то вроде барной стойки, за которой стоял, видимо, хозяин постоянного двора с бутылкой в руке. На табурете сидел молодой парень с горящими глазами и в дорогом платье, за его спиной стоял бородач, по-отечески поглядывавший на юношу. Все были одеты словно сошли с картин времён наполеоновских войн. Только на парне одежда была господская, а на остальных — простая, крестьянская.

Заметив, что Сергей очнулся, все обернулись к нему.

— Очнулся твой подопечный, — с улыбкой произнёс парень.

— Живой, чертяка, — усмехнулся бородач, хлопнув себя по колену. — В степь хотел дёру дать, только от кого и куда — непонятно!

— Как звать тебя, какого роду-звания? — с интересом спросил юноша.

Сергей сглотнул ком в горле. Мысли метались: «Это сон. Я ударился головой и брежу. Этого не может быть».

— Сергей я... горожанин свободный, — выдавил он первое, что пришло в голову.

— Из вольноотпущенников, что ли? — уточнил второй мужчина, в годах, стоявший за спиной юноши.

— Савельич, не лезь с расспросами, — остановил его парень. — Видишь, человек едва жив. Лучше вина ему поднеси.

Савельич проворчал что-то себе под нос, но послушно наполнил стакан и протянул Сергею.

— Извольте представиться, — юноша встал и слегка поклонился. — Гринёв Пётр Андреич, еду в Белогорскую крепость на службу.

Сергей взял стакан дрожащей рукой. Вино обожгло горло, но мысли не прояснило. Гринёв. Белогорская крепость. «Капитанская дочка». Пушкин. Он медленно опустил стакан на стол и перевёл взгляд на бородача. Тот стоял у печи и смотрел на Сергея с едва заметной, понимающей усмешкой. Чёрная борода, сверкающие глаза, повадки бывалого человека... Сергей вдруг похолодел сильнее, чем в степи.

— А вас как звать? — хрипло спросил он, глядя бородачу прямо в глаза.

Тот хмыкнул, погладил бороду и ответил уклончиво:

— Зовут меня Емелька, да только имя моё тебе, барин, пока ни к чему. Ты лучше скажи, как ты в наших краях очутился? Одежда на тебе чудная, и говоришь не по-нашему.

— Я... не знаю, — честно ответил Сергей. — Шёл через парк, а вышел сюда. Какой сейчас год?

Гринёв и Савельич переглянулись.

— Одна тысяча семьсот семьдесят третий, сударь, — ответил Пётр. — Вы, верно, сильно ушиблись, память отшибло?

— Да, наверное, — прошептал Сергей, отводя взгляд.

В висках стучало. 1773 год. До начала пугачёвского восстания оставались считанные месяцы. А человек, спасший его в буран, — это сам будущий самозванец. Вожак бунтов-

щиков. И он явно знает больше, чем говорит.

Бородач — Емельян — допил вино, поставил стакан на стол и, поклонившись, двинулся к выходу.

— Куда же вы, любезный? — окликнул его Гринёв. — На дворе буран, а вы в одном армяке! Оставайтесь, переночуете с нами.

— Благодарствую, барин, — Емельян обернулся, сверкнув глазами, — да только дела у меня. Прощевайте.

Он уже взялся за дверную скобу, когда Сергей, повинувшись внезапному импульсу, тронул Гринёва за рукав.

— Пётр Андреич, — прошептал он, стараясь, чтобы бородач не услышал, — этот человек... он спас нам жизнь в степи. Без него мы бы замёрзли. Нельзя отпускать его в такой холод в худой одежде.

Гринёв нахмурился, но в глазах его мелькнуло понимание.

— Ты прав, — так же тихо ответил он. — Но что я могу? Денег у меня с собой немного, а он, видать, гордый — не возьмёт.

Сергей вспомнил страницы повести. Тулуп. Заячий тулуп, который Гринёв подарил Вожатому и который потом спасёт ему жизнь. Но в книге Пётр сделал это сам, по доброте душевной. А здесь... Ведь Емельян отдал свой тулуп Сергею, а тот его в буране прозевал по глупости... Все запуталось!

— У вас же есть тулуп, — наконец сказал Сергей. — Новый, заячий. Я видел, как Савельич его укладывал. Подарите ему. Это будет по-человечески. И поверьте, он этого не

забудет.

Гринёв посмотрел на Сергея долгим, изучающим взглядом. Потом лицо его просветлело, и он решительно хлопнул ладонью по столу.

— А ведь верно! Савельич! — крикнул он. — Неси сюда тулуп, тот, что заячий, новый!

— Как это — тулуп? — всполошился старый слуга. — Да он же пятнадцать рублей стоит! А вы его первому встречному...

— Савельич! — строго повторил Гринёв, и в его юном голосе прорезалась неожиданная твёрдость. — Я сказал: неси.

Старик, ворча и качая головой, поплёлся к кибитке и вернулся с пушистым, пахнущим овчиной тулупом. Гринёв взял его и шагнул к Емельяну, который наблюдал эту сцену с непроницаемым лицом.

— Возьми, брат, — сказал Пётр, протягивая тулуп. — Но-си на здоровье. Негоже человеку, который спас нас от гибели, мёрзнуть в степи.

Емельян медленно принял подарок, провёл ладонью по меху, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на удивление. Он перевёл взгляд на Сергея, сидевшего у печи, и едва заметно кивнул ему — словно понял, чья это была мысль.

— Спасибо, ваше благородие, — произнёс он с неожиданной теплотой. — Век не забуду вашей доброты. — И, помедлив, добавил, глядя уже на Сергея: — И твоей тоже, барин.

Чую, мы ещё свидимся.

Он накинул тулуп, надвинул шапку и вышел в воющую темноту. Дверь хлопнула, впустив облако морозного пара.

Гринёв вернулся к столу и сел напротив Сергея. В его глазах читалось искреннее уважение.

— А ты, я смотрю, не только грамотный, но и мудрый, — сказал он. — Мне бы и в голову не пришло тулуп дарить, а ведь верно подметил: человек нас спас, а мы его отпустили бы в одном армяке. Спасибо, что надоумил.

Сергей слабо улыбнулся.

— Пустяки, Пётр Андреич. Просто я привык замечать то, что другие упускают.

— Ну, раз ты такой глазастый да разумный, — Гринёв оживился, — может, составишь нам компанию до крепости? Мне как раз толковый помощник нужен, а то дядька Савельич уже не такой прыткий! Много платить не могу, но и не обижу, а харчи и квартира, чай, казённые.

Сергей перевёл взгляд на дверь, за которой скрылся Емельян, потом на юного офицера, смотревшего на него с надеждой. Он понимал, что пути назад, в XXI век, у него пока нет. А значит, надо держаться тех, кто станет частью этой истории.

— Хорошо, — сказал он. — Я поеду с вами.

Гринёв просиял и крепко пожал ему руку.

— Вот и славно! Савельич, налей-ка нам ещё по стакану — за нового товарища!

Савельич, всё это время молча стоявший у печи с поджатыми губами, наконец не выдержал.

— Товарища, — проворчал он, наливая вино с таким видом, будто делал величайшее одолжение. — Товарищей, Пётр Андреич, выбирать надобно с оглядкой. Мы этого человека первый день знаем, а вы уже в товарищи его записываете. А ну как он беглый? Или того хуже — подосланный?

— Савельич! — укоризненно воскликнул Гринёв. — Человек нас из беды выручил, совета доброго дал, а ты такое говоришь! Да и не похож он на беглого каторжанина — и одежда, хоть и чудная, но не воровское тряпье, видно же, человек пристойный!

— Совет-то советом, — не унимался старик, — да только тулуп заячий, новёхонький, пятнадцать целковых, — и был таков! А теперь ещё и кормить его, и везти... Денег-то у нас не сундук, батюшка ваш не для того их посылал, чтоб вы всякого встречного-поперечного в попутчики брали.

Сергей невольно улыбнулся. Ворчливый старик вызывал у него не раздражение, а скорее симпатию — было в его заботе что-то отеческое, хоть и облечённое в форму вечного недовольства.

— Не сердчайте, Архип Савельич, — сказал он примирительно. — Я человек простой, лишнего не съем, а в дороге, глядишь, и пригожусь. Грамоту разумею, здоровьем не обделен, могу и пером писать и топором махать!

Савельич подозрительно покосился на Сергея, но, види-

мо, что-то в его открытом лице смягчило старого слугу.

— Ну-ну, — буркнул он. — Посмотрим, какова ты птица. Только, чур, уговор: спать на печи не дам, там моё место. И вино чтоб без спросу не лакал!

Гринёв расхохотался, а Сергей, пряча улыбку, кивнул. Так началось его знакомство с Савельичем — верным дядькой, который ворчал на всех, но за Петра Андреича готов был отдать жизнь.

За окнами избы выл буран. Где-то далеко, в другом времени, остался парк, алкаш, кричавший «не ходи туда», и привычная жизнь офисного клерка. А здесь, в тёплой избе на краю степи, начиналось что-то совершенно иное. И Сергей, глядя на радостное лицо Петра, впервые за долгие часы почувствовал, что страх понемногу отступает.

До Белогорской крепости добирались ещё три дня. Сергей ехал в кибитке рядом с Савельичем, кутаясь в ворох каких-то обрывках меховых шкур, нашедшихся среди вещей запасливого дядьки. Его мучил вопрос: как вернуться обратно? Той аллеи, что привела его в этот мир, больше не существовало. Он пробовал расспрашивать Савельича о странных местах, где «земля двоится», но старик только крестился и советовал меньше пить вина на ночь, а Петр улыбался и качал головой. В простоте душевной он не пытался разобраться в тайне личности своего нового товарища, но мельком подумал, что тот не так прост и может быть благородных кровей в некоем изгнании.

Эти три дня Сергей имел возможность в полной мере оценить характер своих соседей по повозке. Их было двое — и они являли собой разительный контраст, словно две стороны одной медали.

Гринёв, юный и порывистый, то и дело высовывался из кибитки, чтобы разглядеть что-то в бескрайней степи: то стаю гусей, то далёкий дым костра, то просто облако причудливой формы. Он говорил много, с воодушевлением, перескакивая с одного предмета на другой, и в его речах детская непосредственность мешалась с офицерской бравадой. Сергей видел в нём то, что, вероятно, видел и Савельич, — неоперивше-

гося птенца, который только учится летать, но уже мнит себя орлом. И в то же время в этом юноше чувствовалась такая искренняя, незамутнённая вера в людей и в своё предназначение, что Сергей невольно завидовал ему. Сам он в свои двадцать пять давно растерял эту веру — сначала в университете, потом в офисе, где каждый день приходилось продавать слова, в которые он не верил.

Савельич был полной противоположностью. Старый слуга ворчал непрерывно, как хорошо смазанный механизм, который невозможно остановить. Дорога была плоха — ворчал на ямщика. Снег забивался за ворот — ворчал на погоду. Гринёв просил остановиться размяться — ворчал, что барин непоседливый и простудится. А уж когда Пётр Андреич, засмотревшись на пролетающих гусей, едва не вывалился из кибитки, Савельич разразился целой речью о том, как «молодые господа не берегут ни здоровья, ни родительских наставлений, ни добра, нажитого честным трудом».

Сергей слушал его и поначалу раздражался, но постепенно начал понимать: в этом ворчании не было злобы. Оно было формой любви — такой же привычной и непрерывной, как тиканье часов в родительском доме. Савельич брюзжал, потому что беспокоился. Потому что Петруша был для него не просто барином, а почти сыном, которого он вырастил с пелёнок.

— И вот ещё этот, — Савельич кивнул на Сергея, — прости господи, попутчик. Сидит, молчит, глазами своими

странными зыркает. Ты, парень, хоть скажи что-нибудь! А то едем как на похороны.

— А что говорить, Архип Савельич? — отозвался Сергей, уже научившийся не принимать ворчание старика близко к сердцу. — Дорога длинная, погода студёная, вы и так всё лучше меня расскажете.

Гринёв фыркнул, а Савельич, не зная, обидеться или принять как комплимент, замолчал на целых полчаса — что было личным рекордом.

К вечеру второго дня, когда остановились на ночлег в небольшой деревеньке, Савельич первым делом проверил, хорошо ли натоплена печь в избе, собственноручно перетряхнул сено на полатах и заставил Гринёва надеть сухие портянки, не слушая возражений.

— Маменька ваша, Пётр Андреич, мне строго-настрого наказывала: береги Петрушу пуще глаза, — приговаривал он, развешивая мокрую одежду у печи. — А вы и рады себя не беречь. То в буран поехали, то в снегу вывалились... Сгубите вы мою седую голову.

Сергей наблюдал за этой сценой, сидя в углу на лавке, и думал о том, что в повести Савельич был не просто слугой, а почти членом семьи. И сейчас, глядя на его заботливую суету, он понимал почему. Этот старик, при всей своей ворчливости и кажущейся мелочности, обладал редким даром — даром безусловной преданности. Он не спрашивал, прав ли его барин, достоин ли он заботы. Он просто заботился. По-

тому что иначе не умел.

Гринёв, уже улёгшийся на полати, вдруг приподнялся на локте и спросил:

— Сергей, а у тебя... там, откуда ты родом, была семья?

Сергей помедлил с ответом. Он не хотел врать, но и рассказывать всю правду о ХХI веке не мог.

— Была, — сказал он наконец. — Мать, отец. Обычная семья. Я уехал учиться, потом работа... Виделись редко. А теперь, — он запнулся, — теперь не знаю, увижу ли когда-нибудь снова.

В горнице повисла тишина. Савельич, возившийся у печи, замер на мгновение, но ничего не сказал. Только вздохнул как-то особенно тяжело и поправил сохнувшие портянки.

— Увидишь, — уверенно сказал Гринёв. — Бог даст, всё образуется. Ты только держись нас. Мы с Савельичем народ простой, но своих не бросаем.

— Это уж точно, — неожиданно подал голос старик. — Своих не бросаем. Хоть ты и странный, и молчун, и глаза у тебя, прости господи, как у сына. Но раз Пётр Андреич тебя товарищем назвал — стало быть, так тому и быть. Только ты уж, сделай милость, не втягивай его ни в какие авантюры. С него и своих дуростей хватит.

Сергей невольно улыбнулся. В устах Савельича это звучало почти как признание в родстве.

— Постараюсь, Архип Савельич, — ответил он. — Постараюсь.

За окном выл ветер, в печи потрескивали дрова, а в избе, несмотря на тесноту и убогость обстановки, вдруг стало уютно. Сергей закрыл глаза и впервые за долгое время почувствовал что-то похожее на покой. Он был чужаком в этом мире, но здесь, в этой затерянной в степи деревеньке, рядом с юным офицером и ворчливым старым слугой, он почему-то чувствовал себя дома.

Крепость оказалась вовсе не крепостью, а небольшой деревушкой, обнесённой бревенчатым частоколом. Несколько покосившихся изб, деревянная церквушка, пыльный плац, где маршировали с дюжину выдавших виды пожилых вояк в мундирах не по размеру, — вот и всё грозное укрепление. Сергей, ожидавший увидеть нечто вроде бастионов из кинофильмов и массу бравых воинов, испытал настоящее разочарование. Именно сюда, в эту глушь, судьба забросила его из ХХI века.

В доме коменданта их встретили радушно. Капитан Миронов, бодрый еще не старый мужчина в ночном колпаке и халате, командовал гарнизоном с таким же усердием, с каким его супруга, Василиса Егоровна, командовала самим капитаном. Она тут же принялась расспрашивать Гринёва, попутно раздавая указания служанке насчёт ужина и размещения гостей.

— А это что за молодец с тобой? — спросила Василиса Егоровна, кивнув в сторону Сергея, скромно стоявшего у двери.

— Сергей... — Гринёв замялся, не зная, как представить своего нечаянного попутчика. — Человек вольный, грамотный. В степи я его встретил, в буран. Помощником мне будет.

— Ну что ж, помощник так помощник, — добродушно кивнула комендантша. — Лишние руки в хозяйстве всегда пригодятся. Палашка! Отведи гостей в баню, да на стол накрывай!

Сергей поклонился и вместе с Гринёвым вышел во двор. И тут он увидел её.

У колодца стояла девушка лет 18 в простом ситцевом платье, с русой косой, перекинутой через плечо. Она набирала воду, и ведро, видимо, было слишком тяжёлым для её тонких рук. Сергей, не раздумывая, подошёл и молча подхватил ведро.

Девушка подняла глаза. Сергей замер. В огромных серых глазах плескалась такая чистая, незамутнённая печаль, что у него перехватило дыхание. Это была не та красота, что бросается в глаза яркостью, а тихая, внутренняя, которую нужно разглядеть.

— Благодарствую, — тихо проговорила она и, опустив взгляд, быстро пошла к дому.

Сергей стоял как вкопанный, провожая её взглядом. Челюсть его слегка отвисла, а в голове не было ни одной связной мысли — только образ серых глаз и русой косы, качнувшейся на прощание.

— Эге, брат, да ты никак остолбенел! — раздался сбоку дребезжащий, но добродушный голос.

Сергей вздрогнул и обернулся. Рядом стоял невысокий пожилой офицер с седыми усами и выцветшими, но живыми глазами. Он был одет в старенький, но аккуратно заштопанный мундир и опирался на трость. Это был поручик Иван Игнатьич, правая рука капитана Миронова и старейший обитатель гарнизона.

— Загляделся, сердешный, — продолжал он, лукаво щурясь. — И немудрено. Марья Ивановна, дочка капитанская, всем хороша: и лицом, и нравом, и рукоделием. Только ты, парень, особо-то не заглядывайся. Она у нас невеста на выданье, женихи ейные — офицеры дворянские. А ты, слышал я, человек вольный, без чина. Так что гляди, но руками не трожь, мыслями нечистыми не марай!

Сергей сглотнул и кивнул, не в силах выдавить ни слова. Иван Игнатьич похлопал его по плечу и, постукивая тростью, поковылял к плацу, где капитан Миронов уже начинал утренний разнос своим подопечным.

Гринёв, стоявший поодаль и наблюдавший эту сцену, хитро улыбнулся, но промолчал. А Сергей ещё долго стоял у колодца, чувствуя, как внутри что-то перевернулось. Он вспомнил, чем закончится эта история в оригинале. Гринёв и Маша будут вместе. А он, Сергей, — всего лишь случайный гость из другого времени. Но отчего же так тоскливо сжалось внутри?

Первые дни в Белогорской крепости тянулись медленно и однообразно, словно речная вода в засушливое лето. Сергей, привыкший к бешеному ритму XXI века — с его уведомлениями, дедлайнами и бесконечным потоком информации, — поначалу маялся от непривычной тишины. Здесь время измерялось не минутами и часами, а сменой караула, ударами церковного колокола да передвижением солнца над частоколом.

Гринёв быстро освоился и, казалось, даже находил удовольствие в этой размеренной жизни. По утрам он выходил на плац, где капитан Миронов муштровал свой гарнизон — зрелище одновременно комическое и трогательное. Старые солдаты, многие из которых помнили ещё турецкие походы, путали право и лево, роняли ружья и спотыкались на ровном месте. Иван Кузьмич, в неизменном колпаке и халате поверх мундира, командовал с таким жаром, будто перед ним стояла гвардия самого Потёмкина.

— Левой! Левой! Куда прёшь, старый хрен? — кричал он седоусому капралу, который бодро маршировал в противоположную сторону. — Максимыч, я к тебе обращаюсь!

— Виноват, ваше высокоблагородие! — отвечал капрал, разворачиваясь. — Нога подвернулась!

— У тебя, Максимыч, нога каждый день подворачивается,

— ворчал капитан. — Смотри, Пугачёв придёт — он тебе не ногу, голову подвернёт!

При упоминании Пугачёва солдаты крестились и становились чуть серьёзнее, но ненадолго. В крепости вообще мало кто верил, что бунт докатится до их глухомани. «Степь большая, — говорил Иван Кузьмич за ужином, — пока до нас доберутся, их сто раз переловят». Сергей слушал эти разговоры и мрачнел. Он-то знал, что будет иначе.

Поселили Сергея в крошечной каморке при комендантском доме — раньше там хранили муку и крупы, но после того, как амбар перестроили, помещение освободили. Каморка была мала: узкое оконце под самым потолком, дощатый стол, грубо сколоченный шкаф, сундук в углу и нары с сенником. Никакого сравнения с его однокомнатной квартирой в спальном районе, где были и горячая вода, и интернет, и мягкий диван. Но здесь, в этом убогом, по современным меркам, жилище, Сергей неожиданно почувствовал что-то похожее на уют. Может быть, потому что это был его собственный угол — первый за долгое время, где он мог побыть наедине с мыслями.

Он перенёс в каморку свои пожитки из XXI века: севший мобильник, связку ключей от несуществующей теперь или ещё квартиры, бумажник и отцовский подарок на выпускной — настоящий швейцарский хронометр, который он не решил при себе. Сложил всё это в сундук, накрыл чистой тряпичей и задвинул в самый дальний угол. Смотреть на эти вещи

было горько — они напоминали о мире, в который он, возможно, никогда не вернётся.

Одежду ему выдали со склада — старый, но добротный кафтан, две рубахи, порты и сапоги. Всё это было велико, словно с чужого плеча, и болталось на нём, как на пугале. Сергей, никогда в жизни не державший иголки в руках (в его мире проще было купить новую вещь, чем чинить старую), попытался ушить кафтан самостоятельно. Результат вышел плачевный: шов пошёл волнами, ткань топорщилась, а на указательном пальце красовалась глубокая ранка от иглы.

Савельич, проходивший мимо с охапкой дров, остановился и долго смотрел на его мучения с выражением безразличного изумления.

— Это что ж ты делаешь, парень? — спросил он наконец. — Кафтан-то казённый, а ты его портишь. Кто ж так иглу держит? Ты её как ложку в кулаке зажал!

Сергей покраснел.

— Я никогда не умел, Архип Савельич. Не учили.

— Не учили, — передразнил старик. — А чему вас только учили в твоих «издалека»? Книжки читать да языком молоть?

Он скинул дрова у жарко пылавшей печи, вырвал у Сергея кафтан, повертел в руках, покачал головой. Потом, ворча что-то про «белоручек» и «неумёх», уселся на лавку, достал откуда-то маленький кожаный футляр с иглами и нитками и принялся распарывать кривой шов. Движения его были точ-

ными, бережными, почти ласковыми — он расправил ткань на коленях, примерил, сколол булавками и начал шить мелкими, ровными стежками.

— Вот, гляди, — буркнул он, не поднимая глаз. — Учись, пока я жив. А то помру — кто тебя обшивать будет? Пётр Андреич, что ли? Он сам иглу в руки не возьмёт, барин, чай.

Сергей смотрел на склонённую седую голову, на узловатые пальцы, ловко управлявшиеся с иглой, и чувствовал, как к горлу подступает ком. В этом ворчливом старике было столько скрытой теплоты, что он невольно подумал о своём отце — тот тоже никогда не говорил ласковых слов, но всегда, всегда был рядом, когда нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.